

ВОПРОСЫ ПРОИСХОЖДЕНИЯ И ИСТОРИИ РЕЛИГИИ В ТРУДАХ СВЯЩЕННИКА ПАВЛА ФЛОРЕНСКОГО

Павлюченков Николай Николаевич

доцент, старший научный сотрудник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета; кандидат философских наук (г. Москва, Россия)

При изучении истории отечественного религиоведения не теряет своей актуальности обращение к наследию русских религиозных философов. Среди них свящ. П. Флоренский выделяется, прежде всего, своей ориентацией на поиск некоего всечеловеческого знания, которое, как он был убежден, скрыто в явлениях искусства, языка, фольклора, во внешних формах различных религий. При этом вопросы религии для него имели, конечно, особое значение.

Свое понимание сути религии, ее происхождения и истории Флоренский обозначил уже в своих ранних работах (статьи 1903–1908 гг., «Столп и утверждение Истины», 1914 г.). Но наиболее емко и однозначно на эту тему он высказался в лекциях, подготовленных в 1918 г. Резюмировать сказанное им тогда можно так: отказ от религии означает отказ человека от самого себя [2, с. 107]. Религия лежит в основе всех сфер человеческой деятельности, включая науку, философию и культуру; история религии – это история человека, вернее, история успехов и провалов в попытках человека закрепиться в дарованном ему от Бога вечном бытии. Потеря связи человека с Богом в «символической онтологии» (или «конкретной метафизике») Флоренского означает катастрофу мирового масштаба, когда нарушается естественное устройство бытия и человек, как высшее его проявление, обращается в *ничто* – феномен без ноумена или, по более простому выражению – в мыльный пузырь, который скоро лопнет, не оставив после себя ничего ценного для вечности [3, с. 92–93].

По мнению Флоренского, в человеке есть духовное сокровище, которое в него вложено изначально и представляет собой Образ Божий. Здесь – основа любой религии и в записях начала 1920-х гг. он пишет, что, в этом смысле, вообще нет религий, а есть только одна *Религия*. Вместе с тем, в истории эта Религия «весьма меняет свой вид» и появляются ее различные облики, «весьма неодинаковые» по своей ценности [1, с. 119]. При этом Флоренский твердо стоит на убеждении, что всякая религия и всякое исповедание опираются на подлинную реальность и, следовательно, не совсем лишены света истины» [1, с. 120–121]. Он привлекает большое количество данных из уже опубликованных на Западе религиоведческих исследований и при этом резко обличает идею, согласно которой имеет место *постепенное* восхождение человеческого

разума к Богу, восхождение к Истине путем «методического познания» [6, с. 820]. Флоренский возражает: человеческий разум – это не какая-то уже готовая «коробка», в которую можно вместить все, что угодно. Разум, – говорит он, – *созидается*, встречая Истину. И точно также, разум не сам собой (методически, путем накопления знаний, опыта) доходит до убеждения в подлинности этой встречи. «Истина сама себя делает Истиной» и преобразует разум. Иначе говоря, встреча с Богом, знание Бога, убеждение в том, что именно *этот* Бог и есть Истина, – невозможно без действия Самого Бога. Из этого однозначно следует, что религия во всей своей полноте рождается только из Божественного Откровения [6, с. 822] и не человеческое сознание «разрабатывает» религию и определяет Истину, а, напротив, сама Истина определяет человеческое сознание и создает Религию [7, с. 639]. И всему этому Флоренский ищет подтверждение в эмпирических религиоведческих данных.

Каким же образом в истории происходит образование разных религий, вернее, – с точки зрения Флоренского, – расслоение единой Религии на уровни разной полноты и ценности? Основа религии – непосредственный духовный опыт. А далее, «объект религии, – пишет он, – падая с неба духовного переживания в плотность рассудка, неминуемо раскалывается тут на аспекты, исключаящие друг друга». Только на краткий миг, в моменты особого, благодатного озарения, человеку доступно *знание Истины*, когда все противоречия снимаются; в остальное же время, в земных эмпирических условиях, человек вынужден жить с *знанием об Истине*, неизбежно антиномичным. Это – «осколки» Истины, не стыкуемые друг с другом [5, с. 142, 158, 161]. И только «соборный рассудок», действующий в Христианской Церкви, обладает способностью собрать *все* эти осколки в единую полноту. Там, где нет этого подлинно соборного разума, происходит лишь выбор, отбор отдельных «осколков».

С этой точки зрения, для Флоренского нет ничего удивительного и неприемлемого в том, чтобы допустить возможность встречи с Богом в разных религиях. Бог может ответить на любые, даже самые несовершенные и ошибочные поиски человека, но встреча с Богом далеко не всегда обладает полнотой своих последствий. Принципиально важна способность человека принять в себя Божественное воздействие. И здесь, в этом отношении, Флоренский также признает решающее значение христианства. Приход Христа являет собой особый качественный этап в истории религии: в дохристианскую эпоху Истина «предчувствовалась» и частично давала о себе знать рассыпаемыми повсюду «осколками» Божественных Откровений; после Христа Истина уже *искажалась*, т. к. продолжался выбор «осколков» из уже собранной полноты.

Исходя из таких позиций, Флоренский, в частности, весьма высоко оценивал дохристианское язычество. Во всяком случае, он пытался четко различать проявляющееся в древнем язычестве мистическое «предчувствие Истины» и накладывающиеся на него все следствия человеческой ограниченности и человеческих заблуждений. Например, в записи 1910 г. он пишет: «В теле своем мы ощущаем весь космос... И есть какая-то «странная» связь между отдельными сторонами тела и частями мира... Отсюда натурализм в язычестве, космизм... Отдельные эпохи или люди тайно соответствуют той или другой стороне кос-

моса. Отсюда – эвгемеризм язычества». И в качестве вывода он утверждает: «Все теории происхождения религии правильны. Но все они – односторонни» [4, с. 428–429].

В целом, можно сказать, что священник Павел Флоренский видел в истории религии некоторый непрерывный процесс, сопровождаемый отдельными «возбуждающими» толчками на фоне общей деградации. При этом самый радикальный качественный «скачок», наблюдаемый с возникновением христианства, вовсе не выглядит чем-то абсолютно новым. Христианство, – пишет о. Павел, – связано с той «общечеловеческой душой», которая уже выразилась в дохристианских религиях. В этом смысле, христианство есть *продолжение* историко-религиозного процесса. Но, с другой стороны, также справедливо и утверждение о совершенной исключительности христианства, поскольку Христос – не Один, и даже не Первый из многих, а Единственный. Размышления над этим приводят Флоренского к опознанию здесь антиномии, требующей синтеза: христианство – это такая религия, в которую входит «все из других религий» и которая, «ничему не чуждая», вместе с тем, сама «остаётся не от мира» [4, с. 430–431].

Литература

1. Павел Флоренский, свящ. Детям моим. Воспоминания прошлых дней. – М. : Московский рабочий, 1992. – 517 с.
2. Павел Флоренский, свящ. Из богословского наследия // Богословские труды : сб. 17. – М., 1977. – С. 87–248.
3. Павел Флоренский, свящ. Избранные статьи по искусству. – М. : Изобразительное искусство, 1996. – 333 с.
4. Павел Флоренский, свящ. Собрание Сочинений. Философия культа (Опыт православной антропологии). – М. : Мысль, 2004. – 686 с.
5. Флоренский П. А. <Сочинения> Т. 1 (1) Столп и утверждение Истины. – М. : Правда, 1990. – 490 с.
6. Флоренский П. А. <Сочинения> Т. 1 (2). Столп и утверждению Истины. – М. : Правда, 1990. – С. 491–839.
7. Флоренский П. Христианство и культура. – М. : АСТ ; Харьков, Фолио, 2001. – 672 с.